

Шайтаны / продолжение

Category: Некауалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Шайтаны / продолжение 4.

Начался переполох. Раскрасневшийся Хабиб, тяжело дыша, тряс то Наиду, то Бику за плечи, и вопрошал:

– Она сопротивлялась? Она отбивалась?

Тем временем молодой человек в очках и другой, возбужденный, с дрожащим веком (Наиде сказали – Саидин жених), сели в десятку и куда-то укатили. Посреди двора стояла Баху в своем бархатном платье и что-то тихо причитала про позор и про покойного Хасана. Саняйт спряталась в доме, откуда доносились женские крики:

– Валлах-биллах, мой сын чужие туалеты чистить не будет!

Эльмира прислушивалась, нервно теребя выбившуюся из-под траурной косынки прядь.

– Это мама жениха с ума сходит.

Подошел Наидин отец, неловко вытаскивая из кармана сигаретную пачку:

– Сейчас с дядей Муху и с дядей Хабибом поедете.

– Куда?

– Рассказывать, как все было.

– Я все равно не поеду, – заныла Эльмира, когда он отошел к мужчинам совещаться. – Я ничего не видела.

В толпе оказался мулла, читавший Коран над усопшим, и заговорил что-то, размахивая руками. За воротами слышались гудки. Наиду взяли под руку и повели к машине.

– Всех возьмите! – закричал Муху.

– Эльмира не идет, – пожаловалась Бика.

– Идет, идет! – раздался голос Манарши.

Манарша вела Эльмиру, а та все повторяла, что ничего не видела и что лучше пусть поедет Чамастак.

– Место есть здесь, залезай! – скомандовал Муху.

Хабиб уже сопел на переднем сидении, поминутно вытирая пот смятым носовым платком и беспорядочно нажимая кнопки телефона.

Наида заметила, как часто пульсирует на его толстой шее синяя жилка.

Мотор завелся, кто-то ударил ладонью по багажнику, как бы напутствуя, и машина медленно тронулась вниз по склону. Наида откинула голову и смотрела на плывущие мимо постройки, на кладбищенскую ограду, за которой клонились серые могильные камни с цветной арабской вязью или с выведенными на аварском именами без дат.

За поворотом показалась блестящая чешуя пенящейся и грохочущей реки.

– Помнишь, да, Эльмира, как мы пошли туда, к водопаду купаться, а потом в нас дети камнями стали кидать, – шептала Бика, указывая на отделявшийся от реки и заворачивающий за гору узкий ручеек.

Навстречу автомобилю, сгибаясь под огромными стогами сена, двигались Абасиляй и Каримиляй со сморщенными старческими лицами, одетые в пыльные рабочие рубахи поверх шаровар. Муху нажал на тормоз и вышел к ним вместе с Хабибом. Сквозь шум реки и налетевший откуда-то ветер Наида почти не разбирала их слов. Поправляя под подбородком веревки чохто, женщины указывали руками на дорогу, повторяющую изгибы реки и теряющуюся между горами.

Муху и Хабиб сели на место и двинулись дальше. Наида слышала, как мелкие камушки ударяют о дно автомобиля. Сладко пахло бензином – видно, в багажнике везли канистры с запасным топливом. Она прижалась лбом к вибрирующему стеклу и попыталась не думать о подступающей тошноте. Мимо плыли горные склоны с земледельческими террасами, а вровень с колесами шипела, не отставая от них, река.

Наида стала проваливаться в странную, нездоровую полудрему. Она слышала, как шушукуются девушки, и как Бика описывает злополучную Ладу Приору («такой даг тюнинг же есть»), как Хабиб говорит про обычное послушание Саиды и про то, что она никогда не возвращалась домой поздно вечером, но к этим звукам примешивались новые, непонятно откуда берущиеся обрывки мелодий. Сначала будто бы глухо тренькал пандур, затем голосила зурна, и бухал бубен. Наиде показалось, что она

поднялась в воздух и движется по террасам вверх, к вершине горы.

Она неслась все скорее и скорее, не касаясь ногами земли. Горянки, выдиравшие сорняки на клочках злаковых посевов, копошились далеко внизу. Наиду стало крутить и закидывать в самые невообразимо дальние точки. Ее бросало то в неглубокие пещеры, где сверху сочилась родниковая вода, то в густые тляртинские леса, где таились от охотников дагестанские туры, пугливые олени, бородатые козлы, улары, тетерева и куропатки, то на безлюдные перевалы, крошащиеся сланцем, а то сжимало в темной карадахской теснине – гигантской щели, проточенной буйной речкой в громадной доломитовой скале, где высоко гнездятся дикие пчелы.

Наида изо всех сил пыталась прийти в себя, но не могла: ее трясло и качало. Забрасывало в пышные субальпийские луга ледяного Богосса со щавелем, чемерицей, голубикой, ромашкой, клевером, где паслись нескончаемые стада. В ущелья с заброшенными и переселенными селениями. На голые склоны, поднимающиеся над темной речушкой Бецор, где бегали кони и жили бедные хуторские затворники, к которым зимой спускались из дальних лесов поживиться скотиной голодные медведи и волки. Ее метало над полями сотен полузабытых браней с захватчиками со всех концов света. Кружило над «холмом, где убили Ивана», над осыпающимися сигнальными башнями, которые когда-то от вершины к вершине, от поста к посту передавали весть о близкой угрозе. Над огромным камнем, где по преданию зарыт оружейный клад Шамяля. Над гробницей христианской отшельницы Тамары, где колышутся на ветру привязанные к деревьям светлые тряпки, и откуда далеко внизу виднеются село Бацада, чьи жители варят из березовых смол черную жвачку, и серая трасса, и крошечные автомобили. И снова заняла зурна, затренькал пандур...

– Звонят! – крикнул Хабиб, так, что Наида очнулась и приподняла гудящую голову. – Что «а»? Зурна! Я тебя найду, я тебя выстегну! Я тебе час даю! Мы этого, валлах, не оставим! А? Где вы, говори? Саиде трубку давай! Алло!

Хабиб нехорошо выругался, с силой выговаривая горловые звуки.

– Что там? – спросил Муху, вырубивая на маленький каменный мостик, с торчащим у дороги кафе «Санта-Барбара».

– ХІайван19! Скрытый номер...

– Зачем украли, не сказал? – спросил Муху.

– Чтобы тухум мой опозорить! Еще зачем?! Уй, шайтан... – захрипел Хабиб, открывая окно и бессильно обмахивая себя платком. – Все, хампец ему, я сейчас Закиру звоню, он эту собаку найдет!

Наиду все больше подташнивало. Она взглянула на удаляющиеся вершины снежного хребта Нукатля, где рождалась большая река, и снова прикрыла глаза. Голос Хабиба стал удаляться. Она вновь почувствовала перепад давления и, словно на лифте, взлетела на пик неприступной Седло-горы, опоясанной скальными стенами. Гора возвышалась над поймой Аварской койсу на полтора километра. Вокруг ее многоярусных отвесов вились от самых подножных селений грунтово-скальные дорожки и конные тропы. Небо расчистилось, и Наида сверху ясно видела голое Хунзахское плато с низвергающимися с него водопадами, и реку Тобот, сбрасывающуюся с плато в Цолотлинский каньон, а зимой застывающую в виде огромной полой колонны.

Наида посмотрела вверх, и ей подумалось, отчего это в разреженном воздухе посреди бела дня мерцают звезды? Послышался чей-то шепот. Кто-то невидимый крался к ней сквозь шевелящуюся луговую траву. У Наиды закружилась голова. Она легла на спину, на холодный зеленый покров и спросила:

– Кто здесь?

Шепот звучал совсем близко.

– Шайтаны? – испугалась Наида. – Или будалал? Что-то я слышала про этих будалал... Одеяло из снега, постель изо льда, штаны из коры, платье из листьев, те, которые не едят и не пьют, те, у кого нет мужского и женского, счастливые будалальцы...

Она чувствовала дыхание странных существ, сомкнувших ее в невидимое кольцо.

– Ясанде20! – скомандовал низкий голос.

– Ясанде! – повторили звонкие голоса.

Чьи-то руки трясли Наиду за плечи, а рты выкрикивали один и

тот же приказ. Раздались звуки лезгинки. Наида не на шутку испугалась но, подгоняемая невидимками, начала танцевать. Встала на цыпочки, расправила плечи, засемила ногами по мягкой земле, медленно закрутила кистями.

Барабаны били все чаще и чаще, крики раздавались все громче и громче, Наида плясала и кружилась все скорее и скорее. В конце концов, не выдержав пытки, она рухнула и поддалась накатившей дурноте.

Телефон Хабиба надрывался лезгинкой. Он нажал на прием и заорал в трубку:

– Я21, Шапи?

– Ее тошнит! – взвизгнула Бика. – Ты чего, Наида?

– Откройте ей дверь, – оглянулся Муху, останавливая машину на повороте. – Бедная, не надо было ее брать.

– Чуть мне юбку не заляпала, – возмутилась Бика.

Наида вывалилась из автомобиля и, согнувшись, подбежала к обочине серпантина. Ее рвало. После нескольких приступов тошноты полегчало. Она постояла немножко на полусогнутых ногах, глядя на далекую Седло-гору. Солнце уже было в зените и жарило. Наида почувствовала, как она вспотела, и сняла верхнюю кофточку.

– Лучше стало? Ехали быстрее! – махнул из машины Хабиб.

Она вернулась и села на место.

– Мама, хоть бы там Саида нашлась, – шептала Бика. Эльмира молчала, отвернувшись к окну. Хабиб вытирал шею платком. Райцентр был уже в сотне метров.

5.

Вскоре машина притормозила на круглом и пыльном майдане, и вся компания вылезла наружу. Ярче всего среди майданных построек выделялся кирпичный забор с огромными решетчатыми воротами и сияющим железным орлом на каждой створе. За воротами краснел трехэтажный дом со стилизованной башней и бойницами. Дальше возвышалось здание администрации с вывешенным на стену плакатом «Видя, как они защищают свою землю и Россию, я еще сильнее люблю Дагестан и дагестанцев. В. Путин». Далее

пестрели лавочки, магазинчики и палисадники. Около искусно обложенного камнями источника, за которым пирамидой поднимались дома, и выглядывал кончик минарета, росла густая плачущая ива, а под ивой располагался годекан.

Хабиб и Муху прямо направились к годекану, еще издали протягивая руки, и громко приветствуя сидевших там мужчин:

– Ассаламу алайкум!

Послышались хлопки рукопожатий и взаимное «ваалайкум ассалам». Муху рассказал сидящим, что они в райцентре проездом из села в город и хотели бы заодно повидать родственников. Хабиб добавил, что здесь, должно быть, уже были их молодые знакомые на серебристой Ладе с затемненными стеклами. На это гостям ответили, что автомобилей проезжало много, потому что послезавтра выборы и только что прошла встреча с Абдуллаевым и с действующим главой Ахмедовым (тут пожилой, в аккуратно заплатах рубашке махнул в сторону решетчатых ворот). И что Абдуллаев привез своего брата-чабана и чудесного козленка с белой надписью «Аллах» на черном боку, которого позволяли гладить и кормить всем желающим. И что Уллубий тоже не отстает и каждый день выводит своих борцов на состязания, обещая, что будет развивать спорт и помогать школам.

На майдане уже собиралась толпа молодых людей и подростков. В центре расстелили большой, ярко-зеленый резиновый мат. Из здания администрации усатые люди во взмокших от пота белых рубашках тянули какие-то провода, микрофоны, тяжелые черные аудиоколонки и скамейки. Принялись настраивать звук. Хабиб заметно нервничал, но изо всех сил старался казаться веселым. Вокруг источника, разглядывая прибывших девушек, толпились школьницы с ведрами и кувшинами.

– Они хоть и взяли нас с собой, но в милицию стопудово не пойдут, – говорила Бика, наполняя подставленные ладони родниковой водой. – Дядя Хабиб ни за что не признается, что у него такой позор случился. А Саида могла бы хотя бы нам позвонить. У меня в универе, когда девчонку украли, она сразу позвонила, сказала, где она. Нормальный маслиат сделали.

На майдане, тем временем, людей становилось все больше. Спустились разряженные женщины в богато расшитых парчовых

платках. Показался сам Уллубий, невысокий, лысеющий, с густыми бровями и городские чиновники, не знающие, куда деть руки и все время складывающие их на животе. Мужчины, сидевшие на годекане, растворились в жужжащей толпе. Наида заметила, как Муху и Хабиб, немного покружив и порасспрашивав сельчан, тоже втерлись в толпу и пробрались поближе к Уллубию. Тот после короткого аварского вступления, воздел кулак и заговорил на русском:

– Вот тут сегодня уважаемый кандидат Абдуллаев выступал здесь. От души говорил, про яхI-намус²² говорил. Вах, думаю, сейчас пойду сниму кандидатуру, буду за него голосовать. Но потом мне знакомые люди сказали: «Я, Уллубий! Этот человек, бывает же, про Всевышнего без конца говорит, а у самого кроме кулаков ничего нету». И я подумал: «я, алхамдуллиля, мусульманин, но я в эти игрушки с надписями на животных не играю. Это харам». Толпа зашевелилась.

– Я много лет сам борьбой занимался, сейчас для спорта деньги даю, и, если, уважаемый Абдуллаев со мной на ринг выйдет, я его смогу на трехбаллку кинуть!

Уллубий посмеялся, как бы показывая, что это шутка. Чиновники тоже заулыбались и зашептались.

– Но, – нахмурился Уллубий, – в районе много проблем и нужно их решать. Отдельные деструктивные силы пытаются расшатать обстановку. Нынешний глава администрации, уважаемый Ахмедов много ресурсов имеет, у него брат, бывает же, в Москве в Госдуме сидит. Почему я этого брата ни разу не слышал? Почему наши проблемы не решает, только свои решает?

Толпа загудела.

– Я особо обидеть никого не хочу, но кроме меня в районе дороги не строил никто. Я, честное слово, на выборы идти не хотел, но со мной президент на банкете одном говорил. Уллубий, грит, ты это, в родной район иди, ты там нужен. Так и сказал мне. Целых двадцать минут говорили мы с ним. Вот свидетели есть. После этого как не идти было?

Кто-то заплодировал.

– Несколько человек подходили ко мне, не буду говорить, кто, спрашивали, мол, кое-кто за голоса по пять штук платит, а ты,

мол, сколько нам заплатишь? Ба! Такие вещи меня спрашивали! Я грю, у меня есть яхI-намус, я такой базар не делаю. Я вместо этого вам, когда меня выберете, работу дам. А то сейчас, бывает же, нет работы.

Уллубий откашлялся.

– Еще. Почему не проводится работа с молодежью? А то до меня поступают сведения, что отдельные молодые люди отказываются от обеденной молитвы после пятничной и уходят домой, носят укороченные брюки.

– Кто сказал? Где видели? – раздались голоса из толпы.

– Вы это сами знаете, я тут нового ничего не говорю, – продолжал Уллубий. – Я против того, чтобы их забирали в милиции за то, что они ушли с молитвы, это неправильно! Но надо позвать алимов, пригласить сюда шейха и поговорить с ними! Я готов всем этим заняться. Вот, кстати, здесь присутствует уважаемый алим Шах-Абас, он хочет сказать несколько слов.

Шах-Абас, одетый в каракулевую шапку, в рубашку без воротника и тяжелый пиджак, вышел к микрофону и медленно заговорил на родном. Молодой бородач в тубетейке зачем-то взялся переводить. Видимо, среди собравшихся чиновников были не только аварцы:

– Я Уллубия знал еще с распада Союза... Тогда много людей приходило ко мне... мол, сколько мы будем терпеть это государство... Мол, надо встать на газават и очистить себя от коррупции, от обманов... Я их тогда, шукру Аллах²³, не поддержал... Уллубий тут много про наши проблемы говорил, но не все сказал. Мы живем в Ахирзаман²⁴. Поэтому столько вокруг проповедников, каждый говорит: «меня слушай». Не надо их слушать! У них свои цели на уме, корыстные цели на уме. Вы делайте так, как учат книги, как учат устазы и держитесь их бараката. Спрашивайте устаза, даже когда идете в туалет. Но не возгордитесь. Только одними книгами ничего не добьешься. Лицемерам тарикат пользы не принесет. Ведь не может быть моря без краев и живота без спины. Так не может быть молитвы без убеждения. Ведь скотина пестра снаружи, а человек – изнутри. Вот ваххабиты говорят, что тарикатисты – идолопоклонники и

сначала обращаются к устазам, а потом к Аллаху. Это неправда. Во время дуа, мы сначала просим у Аллаха, потом у устаза, а потом снова у Аллаха... А цепочка устазов ведет к Пророку, салалаху аллайхи вассалам... Уллубий приходил ко мне, и я видел, что он не лицемер, а настоящий, любящий сын своего народа. Я не буду просить вас голосовать за него, это не мое дело, но я в него верю, как в настоящего мусульманина.

Толпа бурно зааплодировала, а бородач проводил Шах-Абаса на скамейку.

В толпе послышался женский крик:

– Еччай, еччай²⁵!

К микрофону прорывалась женщина лет сорока, в длинном платке, сползшим на плечи и обнажившим на ее затылке тяжелый узел волос.

– У меня вопрос к товарищу Уллубию Газиеву. Как он будет решать вопрос с нашими детьми, которых милиционеры пытаются в Махачкале?

– Кого пытаются? – спросил Уллубий, отводя руку чем-то возмущающегося помощника. – Как вас зовут?

– Заза Махмудова меня зовут. Вот моего племянника арестовали, вывихнули ему ногу, синяки поставили, адвокатов к нему не пускали. Говорят, он начальника ОВД убил. Спросите любого в селе, все моего племянника знают. Все вам скажут, что Алишка никогда этого сделать не мог. Он слесарь простой! Да, Алишка работал у разных людей, но он за их грехи не отвечает.

– Вы обращались в прокуратуру?

– К кому только не обращалась я, в Махачкале на митинг выходила. Я и вон стоит Ризван Магомедович, наш бухгалтер, он тоже со мной ходил. Отовсюду меня прогоняли, – кричала женщина яростно. – Вот смотрите что сделали!

Она показала забинтованный палец.

– Палец сломали мне!

В толпе послышались голоса:

– Заза, Сабур гьабуй²⁶!

– Борьбу давай! – заорал кто-то дурным голосом.

– Я знаю, что у вас много вопросов, я все постараюсь решить, – увещевал Уллубий расшумевшуюся площадь. – А сейчас давайте

пригласим сюда наших чемпионов.

Пока он утихомиривал раззадоренную женщину, на мат вышли босые крепкие борцы в трико, один в красном, другой – в синем.

Показался судья.

– Ай саул, начинается! – закричал худощавый юноша. – Тажудин этого очкошника порвет. Пацан сказал – пацан сделал.

Борцы принялись разминаться, потом подошли друг к другу, пожали руки и встали в оборонительные позиции.

Хабиб и Муху попытались продвинуться к Уллубию и чиновникам, но толпа их оттеснила. Каждый вставал на цыпочки, пытаясь лучше разглядеть спортсменов.

Внезапно к микрофону протиснулся высокий рыжий человек с картонным ящиком в руках и закричал:

– Один момент!

Толпа разочарованно взвыла.

– Подождите, подождите, срочное дело! – продолжал рыжий. – Вот тут присутствуют представители из города, пусть они тоже видят.

Он оглянулся назад и махнул кому-то рукой. Двое мужчин в спортивках вели обритого налысо старшеклассника. Тот сопротивлялся и отворачивал лицо.

– Вот мы поймали парня. Вы знаете, что мы в его коробке нашли?

Он указал на картонный ящик.

– Борьбу давай! – раздался тот же дурной голос.

– Борьбы не будет. Распоряжение главы администрации Ахмедова, – сказал рыжий.

Толпа заревела.

– Ахмедова долой! – закричали несколько голосов.

– Уллубий Газиев тут соревнования проводит, а сам подготовил фальшивые бюллетени. Вот, в этом ящике. Кто не верит, посмотрите!

– Какие еще бюллетени? – взорвался Уллубий. – Отвечаю, я ничего не знаю! Это не мой человек!

Он ткнул в испуганного старшеклассника.

– Не мой человек. Это провокация, не верьте! – замахал он руками во все стороны.

– Дай да посмотреть! Дай посмотреть! – слышалось из толпы.

Ящик оказался на полу, и оттуда посыпались бюллетени.

– Вот, галочка стоит напротив Газиева! – ошарашено захрипел один из сельчан, хватая разбросанные листы. – Всюду стоит! Гьале, гьале²⁷!

Снова возникла Заза Махмудова и завопила:

– Произвол!

– Борьбу давай! – вопила молодежь.

– Не будет борьбы, пока Газиев не снимет кандидатуру, – заявил рыжий.

Толстые чиновники нагнулись за бюллетенями и тоже стали рассматривать их с интересом. К растерянному Уллубию подскочил соратник и объявил в микрофон:

– Хириял гьалмагъзаби!²⁸ Это подлая провокация Ахмедова. Этого мальчика... а где он? Убежал уже! Этого мальчика мы вообще не знаем! Этот Ахмедов сам сделал эти бюллетени и халам-балам здесь устроил, лишь бы народу праздник не дать! Но мы назло ему устроим праздник! Попробуй только он помешай!

– Да! – закричали в толпе.

Бюллетени полетели в воздух. Кто-то подбежал к решетчатым воротам Ахмедова и стал закидывать их сквозь прутья:

– Ма, забирая назад свои бумажки!

Показалась милиция. Людей начали отгонять от ворот. Борцы тем временем принялись бороться. Синий перекинул красного через себя, а красный схватил синего за ноги.

Хабиб и Муху выкарабкались из толпы и вернулись к источнику. Девушки стояли на том же месте, опершись на камни, обложенные вокруг родника, и подавленно молчали. Рядом маячили, оглядывая их с вызовом, сельские ребята.

– Пойдем в машину, – произнес Муху, – поговорить надо.

В салоне автомобиля Муху зачем-то выхватил из бардачка стопку музыкальных дисков и уткнулся в них носом. Хабиб был совершенно красен. Он засопел и вдруг стал кричать:

– Я говорил этой Саният, чтобы она дочь нормально воспитывала! Она всегда ее баловала. «Оставь да Хабиб, пускай пойдет, с подружками погуляет...» Постоянно на концерты, в кафе, глаза покрасит и идет. За сессии я платил! И вот, что стало! Увижу ее, своими руками возьму и вот так задушу.

Хабиб крепко сцепил дрожащие руки.

– Если я сегодня ее не верну, пойду вон на ту гору и сброшусь. Пусть потом все говорят, что Хабиб из-за дочери-кяхИбы29 с ума сошел. Наверняка этот сопливый кумык ее украл. Кто еще мог вот так, как шакал, на букИон приползти и такой бардак сделать. Я так просто не оставляю это!

– Какой кумык? – спросил Муху, не отрываясь от дисков.

– Да приходил один, чИанду30 нес какую-то, что Саиду замуж за себя хочет. Я его даже слушать не стал, ва! Еще не хватало, чтобы я единственную дочь за какого-то кумыка отдал!

– Не кумык ее украл, а даргинец, – вдруг сдавленно сказала Эльмира.

Все посмотрели на нее с удивлением. Эльмира сидела, вжавшись в заднее сиденье и растирая красные глаза.

– Откуда знаешь? – рявкнул Хабиб.

Эльмира внезапно зарыдала.

– Тише, тише! – Муху тронул его за плечо и сказал Эльмире. – Не бойся, говори, что знаешь.

Эльмира всхлипнула и, не глядя ни на кого, произнесла через нос:

– Это даргинец левашинский, Исмаил. Он ее в парке увидел, когда мы с ней гуляли, потом в университете не оставлял, цветы дарил. Нравится он ей.

Хабиб пунцово вспыхнул и захрипел:

– Кто нравится? Ты что несешь, ясай31! Я твоему отцу-матери все расскажу! Из-за тебя Саида сейчас неизвестно где. Номер его знаешь? Номер говори его!

Хабиб закашлялся.

– Как можно было так! – развел руками Муху. – Ты почему молчала?

Эльмира затряслась от рыданий:

– Саида за Расула не хотела, она за Исмаила хотела.

– Вай, дир ракИ32! – воскликнул Хабиб и выбежал, хлопнул дверью.

Муху посмотрел, как Хабиб, неловко переваливаясь, идет к роднику умываться и тоже вышел, грозно оглянувшись на девушек.

– Ну, ты даешь, – выдохнула Бика. – Саида знала все-таки, что

за ней приедут?

– Н-не знала, – всхлипнула Эльмира. – Исмаил ей говорил, что украдет. Она хотела, но отца боялась. И мне говорила, что его любит, но лучше уж за Расула выйдет, раз он ей такие подарки подарил, и платье уже куплено.

– Она так про платье рассказывала! Я думаю, ей не хотелось, чтобы ее крали, – вставила Наида.

– Откуда ты знаешь, что не хотелось? – истерично взвизгнула Эльмира – Очень даже хотелось. Они вообще встречались, в кафе вместе ходили. Все равно бы Расул узнал и слово бы забрал. Так что я все по справедливости сделала.

– Какой ужас, – залепетала Бика. – Эльмира, зачем ты призналась хоть? Теперь тебя убьют.

– А я тут причем?

– Как причем? Ты этому Исмаилу помогала, ты нам предложила через магазин возвращаться.

– Да, точно, – вспомнила Наида, – это ведь Эльмира предложила... В окно автомобиля заглянул Муху.

– Номер этого героя давай сюда, – приказал он Эльмире.

Та достала телефон и, всхлипывая, продиктовала одиннадцать цифр. Голова Муху исчезла. Через лобовое стекло было видно, что турнир на майдане продолжается и борец в красном трико, кажется, побеждает. Уллубий и чиновники куда-то исчезли. Милиционеры, которые начали, было, разгонять толпу, тоже втянулись в созерцание зрелища и пристально следили за поединком.

Хабиб и Муху вернулись в салон.

– Едем в Леваша. Они никак пока не сделали, – сказал Хабиб железным тоном. – Если мы до заката успеем ее забрать, она чиста. Если нет – придется оставлять этому даргинцу.

Он плюнул в спущенное окно. Потом нахмурился и добавил:

– Да все равно заберу. Лучше пусть до конца старой девой остается, чем вот так замуж выходить, как хТайван!

– К Уллубию заходить не будем? – спросил Муху.

– Как я ему в глаза посмотрю? – с болью произнес Хабиб. – Я после того, что случилось, месяц из дома не выйду!

Муху хмыкнул и завел мотор.

– Ле! – заглянул к нему проходящий сельчанин, сидевший на годекане, и спросил, мол, почему они так быстро уезжают и почему не зайдут к нему на хинкал подкрепиться. Муху и Хабиб сейчас же заулыбались и объяснили, что им срочно понадобилось уехать раньше времени. Сельчанин долго уговаривал их все-таки задержаться и зайти к нему, но, в конце концов, сдался и отпустил с напутствиями.

б.

На окраине райцентра Муху затормозил.

– Их нельзя с собой брать, – сказал он Хабибу, кивнув на заднее сидение.

– Пускай идут к Аминат, сестре Халилбека, это здесь, за поворотом. Пусть спросят у людей. А потом их кто-нибудь заберет, – монотонным голосом ответил Хабиб.

– Понятно, – кивнула Эльмира и открыла дверцу.

Все три вышли из машины и какое-то время, молча, смотрели, как она набирает скорость и исчезает на спуске.

– А Саида тебе не звонила? – спросила Бика Эльмиру.

– У нее же телефона нет с собой.

– А что этот Исмаил такой красавчик, да?

– Получше, чем Расул.

– Вая, Расул – нормальный пацан.

– А где Аминат живет, Халилбека сестра? – спросила Эльмира у проходящего мальчика.

Тот не понял.

– Газиезул Аминат кий югай ? – повторила Наида.

Мальчик объяснил им дорогу.

Вскоре они наткнулись на длинный террасный огород, где наверху белела одноэтажная постройка из дикого пиленого камня. Аминат была бездетна и жила одна. Но на веранде, расставив ноги, сидел ее племянник, Хаджик. Наида заметила, что, увидев Хаджика, Бика сделала томный взгляд и слегка выпятила губы.

После расспросов и приветствий Аминат угостила их черной кашей из проросшего ячменя. Бика вызвалась подавать тарелки и капнула себе на блестящую кофту. Про Саиду ничего не сказали.

Хаджик с достоинством ел, а потом хитро сказал Бике:

– Я твои фотки в интернете видел.

– Да, мы же на форуме общались, – подтвердила Бика жеманно. – Вы там тему еще такую подняли, нужно ли жену закрывать.

– Это не я, это Арип обсуждал, мой брат, – усмехнулся Хаджик.

– А я недавно в маршрутке ехала, – воодушевилась Бика, – и такая телка вся из себя заходит, в мусульманской одежде дорогой, я даже знаю, в каком ателье она заказала. Все из шелка. Садится, достает шикарную трубку, почти как нокия 8800 сапфир. Эксклюзив! И начинает с понтом разговаривать. Але, туда-сюда, давай в «Хазаре» встретимся. И тут, короче, трубка начинает звонить. Такие ха-ха.

Бика засмеялась.

– Отвечаю, она маршрутку остановила и пулей выскочила!

– Доехал Халилбек на соболезнование? – спросила Аминат, выглядывая на веранду из кухни.

– Не знаю, мы не застали – ответила Эльмира.

– Как жалко, что Хасан умер, такой веселый был человек, столько смешных историй знал. Столько шуток нам устраивал... – вздохнула Аминат и обратилась к Хаджику. – Какие новости в городе, Хажи?

– Да, как обычно, на движениях, – усмехнулся Хаджик. – А здесь что с выборами? Уллубий может выиграть?

Аминат махнула рукой:

– Лучше бы он подальше держался!

Потом позвала девочек в комнату и указала на груды овечьей шерсти, валяющейся на полу.

– Нужно шерсть чесать. Давайте шерсть чесать.

Девушки переглянулись без энтузиазма. Аминат продолжала:

– Мне мама говорила: «Не будешь шерсть чесать, замуж не выйдешь».

– Но вы же и не вышли, – улыбнулась Наида.

– Сама не захотела, – ответила Аминат, нацепляя очки и ловко расщепляя шерстяные клоки в воздушную массу. – А знаете, как у нас в селе раньше было? Девушка, когда захочет замуж, выходила перед годеканом, становилась на крышу и объявляла об этом. Старейшины ее спрашивали, кого именно она хочет в мужа. И

девушка показывала.

– Правда, Камиль? – спросила она кого-то, мелькнувшего в двери.

Тот услышал вопрос, но ничего не ответил.

– А если этот человек был против?

– Он должен был откупаться. В адатах все было прописано: сколько он должен дать добра, если отказался жениться, сколько должен дать, если тронул девушку за локоть...

Хаджик заглянул в комнату:

– Пошел я с Абдулом на белую скалу.

– Зачем?

– Так, по банкам постреляем...

Он кивнул в знак прощания и исчез.

У Эльмиры зазвонил телефон, и она тоже вышла.

– Да, – продолжала Аминат, показывая, как лучше чесать шерсть, – раньше девушек по-другому воспитывали. Сколько мы стихов знали! Уй, километры! Махмуда всего знали, Анхил Марин всю знали!

– Я знаю, это та, которой на губы зашил, чтобы она свободные песни не пела и в пропасть сбросил. И еще, когда она на свадьбе пела, кто-то в воздух стрелял, а попал в ее дочку. Но она все равно не прервала своей песни. Дочку руками придерживала, а сама продолжала петь, – затараторила Бика.

Аминат покачала головой.

– Про губы и пропасть вранье, это все придумали. Кто мог ей губы зашить? Когда ей было пятнадцать лет, их поле уничтожила корова одного ругуджинца, и она так его избила, что он умер через несколько дней. За это по адатам ее из села даже выслали. Самое страшное наказание для горца. А в другой раз, когда она уже вернулась и жила на хуторе рядом с Ругуджой, утром смотрит, у семи ее баранов курдюки отрезаны. Она взяла, по следу крови дошла до соседнего хутора и зарезала там семь коров. Чтобы отомстить. Ругуджинки себя в обиду не дадут!

Эльмира вернулась в комнату и снова принялась чесать шерсть вместе со всеми.

– Аминат! – окликнул кто-то из веранды.

Аминат сняла очки и вышла.

– Саида замуж вышла, – сказала Эльмира, убедившись, что никто лишней ее не слышит. – С чужого телефона мне звонила. Они никак сделали. С папой, говорит, уже назад не вернусь, а сама плачет.

– Конечно, плачет. Этот Исмаил, он богатый хоть?

– Богатый, он сейчас большой дом в Редукторном строит. А Расула подарки вернуть придется.

Вдалеке неожиданно закукарекал петух. Послышались звуки гармоники. На майдане выступал народный певец. Там люди прищелкивали в такт пальцами, кто-то кричал:

– ВереЗЗ!

Услышав крик петуха, Камиль, все это время дремавший на веранде, встал, неторопливо спустился по каменной лестнице в огород. Пахло травами, кореньями, гниющими абрикосами и землей. Он медленно прошел к боковой калитке, с любопытством притрагиваясь к безымянным желтым цветам, и отправился на прогулку.

Быстро миновав узкие переулки, Камиль очутился на майдане, где под бой барабанов и стон зурны отплясывали приехавшие канатоходцы. Один скакал на канате, то поднимаясь и вставая на палец большой ноги, то садясь и разводя ноги в разные стороны. Второй подбадривал его снизу. Многочисленные зрители сопровождали каждое движение радостным гиком.

Солнце еще цеплялось за краешек западных вершин. Камиль, присел на камень и стал, прищурившись, наблюдать за канатоходцами. Смелчак, только что весело скакавший под восхищенные крики, залез в мешок и под мерные удары барабана шагнул к середине каната, балансируя палкой. Дойдя до середины, он получил от помощника трехступенчатую приставную лестницу, поставил ее вертикально на канат и под такой же тревожно-мерный бой барабана начал свое торжественное восхождение. Камиль зевнул, зажмурился и постепенно задремал под радостный гвалт публики и звуки бедных мелодий...

Проснувшись, он понял, что уже темнеет. Майдан затихал. Артисты перешучивались и разбирали реквизит. Камиль вспомнил, что у него есть одно дело на окраине. Когда проходил мимо мальчишек, те закричали:

– Камиль, Камиль! Сюда иди!

Камиль насторожился, оглянулся на них вопросительно, но все же пошел своей дорогой.

На выезде из села пахло кузнечиками, пылью, травами и еще чем-то непонятным. Чуть ниже, обложенный мешками с цементом, стоял контрольно-заградительный пост. Камиль остановился в нерешительности и стал внимательно разглядывать шевелящиеся на посту фигуры. Милиционер без фуражки скучал, разглядывая свой автомат, другой, в глубине что-то говорил, но что именно – не было слышно.

Внезапно раздались хлопки. Камиль вздрогнул. Скучавший милиционер стремительно присел и вскинул автомат, беспорядочно стреляя поперек дороги. Второй схватился, скорчившись, за плечо и спрятался за мешками. Снова раздались хлопки, сильно запахло гарью и дымом. Камиль испуганно залег наземь, потом снова вскочил и пустился наутек. Забежав в дом, он стремглав проскочил веранду и вспрыгнул на чистое покрывало комнатной кровати.

– Чит, Камиль!34 – крикнула ему сестра Халилбека и согнала кота на пол.

– Что это за хлопки были? – спросила Бика, сидя перед телевизором.

– Сейчас узнаю, – обеспокоенно ответила тетя Аминат и вышла из дому.

Через некоторое время заглянула соседка и сказала, что убили одного и ранили другого милиционера. Потом явилась Аминат и возбужденный Хаджик, который шагал из угла в угол и тараторил: – Пацаны говорят, они вообще в душе не волокут, откуда-то стреляли.

– Да из леса напротив, наверняка, – говорила Аминат.

Потом снова появилась соседка и стала причитать и всплескивать руками, мол, какие бедняги, какие молодые. Потом началась какая-то суета, стали клясть почему-то Ахмедова и весь его клан.

Тем временем Бике из села позвонила мама и сказала, что Хабиб и Муху оставили Саиду в Леваши и едут обратно, и что Хабиб

говорит, что никогда Саиду не простит, но, мол, голос у него уже спокойнее. И еще мама предупредила Бику, чтобы она поменьше общалась с Эльмирой:

– Это Гамидовых ветвь, у них почти все такие девицы.

Потом после каких-то хозяйственных дел улеглись, и Наида смотрела на черный ночной потолок, слушала жужжащие за стеной голоса Аминат и соседок, обсуждавших убийство, и с удивлением вспоминала, как взлетала на высокую Седло-гору. В полусне ей почудилось, что голоса, искажаясь, превращаются в нечеловеческий гул, то тонкий, то низкий. И в этом гуле прорывается нечто ужасное, поддразнивающее, хитрое.

Она вспомнила, как в детстве, приезжая в селение, боялась искусных в коварстве шайтанов. Они меняли обличье, подделывали голоса, умыкали и сводили с ума заснувших в поле людей. «Даже когда тебя зовет мама, – говорили сельские дети, – не отвечай ей сразу. Может случиться так, что ее голосом тебя окликает шайтан. Произнеси заклинание и только потом подавай голос». Холод прокрался Наиде в грудь, но постепенно она обессилела думать. Гул становился глуше и глуше и, наконец, наступила кромешная безмысленная темнота.

Конец.

Об авторе: АЛИСА ГАНИЕВА

Родилась и живёт в Москве. Окончила отделение литературной критики в Литературном институте имени А.М.Горького. Работает редактором в приложении к «Независимой газете» «НГ-ExLibris». Там же в 2010 г. выпустила сборник статей «Полёт археоптерикса». С 2008 года является членом редколлегии журнала «Литературная учёба». Дебютировала в 2004 году в журнале «Московский вестник» со статьёй о писателях-постмодернистах. Печатается в качестве литературного критика в приложении к «Независимой газете» «НГ-ExLibris», литературных журналах, в том числе в журнале «Октябрь».

В 2009 г. получила молодёжную премию «Дебют», подав на конкурс свою повесть «Салам тебе, Далгат!» от имени «молодого начинающего писателя из Дагестана Гуллы Хирачева». После этого на волне успеха в 2012 году выпустила новую книгу про Дагестан «Праздничная гора».

Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2007).
Дипломант Волошинского литературного фестиваля (2007, 2009.).
Лауреат Горьковской премии журнала «Литературная учёба» (2009).
Лауреат премии журнала «Октябрь» (2009).
Лауреат молодёжной премии «Дебют» под мужским псевдонимом Гулла Хирачев (2009).
Лауреат молодёжной премии «Триумф» (2010).
Финалист Литературной премии имени Ю.Казакова (2010).
Финалист Литературной премии им. И.П.Белкина (2010).
Финалист Литературной премии «Ясная Поляна» (2012).
Полуфиналист Литературной премии «Национальный бестселлер» (2012).
Полуфиналист Литературной премии «Большая книга» (2013).
Полуфиналист Литературной премии «Русский Букер» (2013).
Книги: «Полёт археоптерикса: Литературная критика, эссе» (2010), «Салам тебе, Далгат!» (2010), «Праздничная гора» (2012)

1 Поминальные мероприятия (авар)

2 ритуальное проговаривание: «Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Магомет – пророк Его» (араб)

3 Пусть достанется духу Хасана (авар)

4 Царство ему небесное.

5 Что случилось? (авар)

6 Прости, господи (араб)

7 Моя дорогая, поди сюда, мамина (авар)

8 Утреннее приветствие(авар)

9 Дура (авар)

10 Примирение (араб)

11 Жертва (араб)

12 Собралась? (аварское приветствие)

13 Преславен Аллах (араб)

14 Контртеррористическая операция

15 Черте что, ерунда

- 16 Свистопляска (авар)
- 17 Люди (авар)
- 18 Мать (авар)
- 19 Животное, скотина
- 20 Танцуй (авар)
- 21 Ответ на оклик, «что?» (авар)
- 22 Стыд-совесть(авар)
- 23 Благодаря Аллаху (араб.)
- 24 Последние времена (авар.)
- 25 Пустите, пустите(авар)
- 26 Успокойся (авар)
- 27 Вот, вот (авар)
- 28 Дорогие товарищи (авар)
- 29 Сучка, гулящая (авар)
- 30 Чушь (авар)
- 31 Девчонка (авар)
- 32 Ах, мое сердце! (авар)
- 33 Давай-давай (авар)
- 34 Брысь (авар) Некаýalar